

въ одномъ изъ концертовъ консерваторіи въ 1829 г. игралъ Ес-дурный концертъ Бетховена, что для того времени положительно было смѣлымъ подвигомъ, если принять въ соображеніе, что тогда въ Парижѣ не только публика, но даже многіе музыканты относились къ Бетховену враждебно ¹⁾. Листъ и прежде проводилъ въ концертныя залы произведенія Бетховена, но скрывалъ имя композитора и украшалъ исполняемыя вещи самодѣльнымъ нарядомъ, прибавляя трели и разные виртуозные пассажи, чтобы обезпечить одобреніе публики Бетховену и себѣ. Какъ онъ исполнялъ въ 1829 г. бетховеновскій Ес-дурный концертъ, — согласно ли съ партитурой или также съ собственными украшеніями, — неизвѣстно. Но существенъ и знаменателенъ тотъ фактъ, что онъ былъ первый и единственный піанистъ, который имѣлъ смѣлость играть этотъ концертъ публично въ Парижѣ въ такое время, когда ни публика, ни даже музыканты не умѣли еще цѣнить Бетховена. Художественный инстинктъ Листа стоялъ впереди своего времени.

Наступила эпоха іюльской революціи 1830 г. Эти дни произвели на Листа сильнѣйшее впечатлѣніе. Ему страстно хотѣлось идти на баррикады, сражаться во имя гуманности, во имя страждущаго человечества и, если нужно, умереть за народъ, за его права, за свободу. Съ большимъ трудомъ удалось матери удержать его порывы и нѣсколько успокоить его возбужденіе. — Юноша находился подъ обаяніемъ геройскихъ подвиговъ «великой недѣли»; вмѣстѣ съ парижскою молодежью онъ поклонялся сереброкудруму «генію свободы стараго и новаго свѣта» Лафайету и вмѣстѣ съ нею вѣровалъ въ наступленіе новаго мірового порядка, который осуществитъ мечты о неразрушимомъ счастьи и дастъ людямъ присущія имъ права: политическую, социальную и личную свободу.

Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, въ творческой фантазіи Листа создался планъ «*Symphonie révolutionnaire*». Ему хотѣлось, чтобы эта симфонія была музыкальнымъ выраженіемъ торжественнаго вѣлика народовъ, — не только однихъ французовъ, но всѣхъ соединенныхъ націй, поднявшихъ знамя во имя хри-

¹⁾ Композиторъ Керубини, директоръ парижской консерваторіи, авторъ многихъ оперъ, мессъ, ораторій и проч. выражался о позднѣйшихъ произведеніяхъ Бетховена: „*Cela me fait éternuer*“. Рудольфъ Крейцеръ, первый скрипачъ въ оркестрѣ парижской консерваторіи, тотъ самый Крейцеръ, которому Бетховенъ посвятилъ одну изъ своихъ скрипичныхъ сонатъ, — на речетціи концерта, услышавъ бетховеновскую Д-дурную симпатію, заткнувъ уши, закричалъ капельмейстеру: „Ради Бога, избавьте насъ отъ этого жалкаго, варварскаго произведенія“.